

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Еврейская улица

В соответствии с ведомостью от 15 сентября 1794 года о раздаче мест под застройку домами, лавками, магазинами и обзаведения садами в Хаджибее, участки получили и еврейские первопоселенцы: *Абрамович*, *Герц*, *Гершкович* (двое последних – участки встык по нынешней Еврейской угол Пушкинской), *Израилев* (по Ришельевской угол Еврейской), *Ицкович* (по Еврейской, между Екатерининской и Ришельевской), *Фишель*

Фельдишевич – в районе будущего Нового базара.¹ Тем самым было положено начало первому еврейскому району, который и впрямь формировался вокруг одноименной улицы, охватывая прилегающие кварталы Ришельевской, Екатерининской и др. К уже названным лицам следует приплюсовать и *маркитанта Медведева* (буквальный перевод фамилии *Берман*), получившего то самое место на углу будущих улиц Еврейской и Ришельевской, где вскоре выросла первая городская синагога.² Дорево-

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-77.

люционный исследователь С. Пэн говорит о том, что она функционировала уже в 1795 году,³ с чем надо согласиться. С миньяном не было проблем буквально с первых дней существования Одессы, ибо в составе еврейских семейств, как, впрочем, и в других, преобладали мужчины.

Имена еврейских первопоселенцев в сказанной ведомости не упомянуты. Однако по ревизским записям мне, например, удалось установить: Ицик Гершкович причислен в одесские мещане одним из самых первых – в 1795 году; в составе семьи двое мужчин

и две женщины.⁴ В более поздних архивных документах он фигурирует как одесский купец *Илья Гершкович*. В 1805-м ему выдали из Строительного комитета план на переустройство дома здесь же, в середине нечетной стороны квартала по Еврейской улице, меж будущими улицами Ришельевской и Итальянской. Ранее 21 июля 1824 года Гершкович продал эту недвижимость херсонскому мещанину *Иосю Алтино* по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда. Новый владелец обратился в Комитет для получения документа, позволяющего произвести оценку строений посредством Городового магистрата. Для освидетельствования направили исполнявшего тогда обязанности архитекторского помощника Ф. К. Боффо, и тот зафиксировал, что «противу того плана (1805 года. – О. Г.) дом построен вовсе несходственно».⁵ То есть у Гершковича тогда явно не хватило средств, и он построился скромнее. На городском плане второй половины 1820-х мы видим на этом участке четыре небольших строения: два по фасаду Еврейской улицы и два во дворе.⁶

К сожалению, два важных архивных дела из фонда Одесского городского магистрата – «Списки евреев» (1806) и «Алфавитный регистр одесским купцам и мещанам еврейского закона, по переписи 1806 года записан» – не сохранились.⁷ Утрачены и списки 1799 года,⁸ однако есть основания предполагать, что их в определенной мере восполняет реестр, составленный по материалам ревизии 1795 года. Насколько можно судить из имеющихся архивных документов, названный выше Ицкович, которого звали Берко, сперва построил времянку, а в 1806 году стал возводить новый дом, получив с санкции Ришелье в Строительном комитете ссуду в 1.000 рублей сроком на полтора года.⁹ В 1810 году в одесское купечество записан Нухим Ицкович; в составе семьи, помимо его самого, две женщины.¹⁰ Так или иначе, *Берко Ицкович*, состоявший в 1806 году в одесском купечестве, был первым реальным владельцем места на углу будущих улиц Екатерининской и Троицкой¹¹ – того, где в начале 1960-х построена поликлиника.

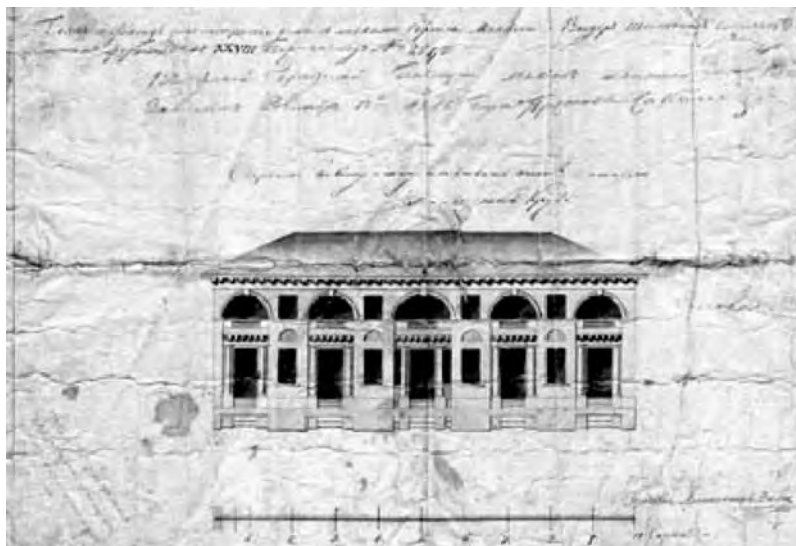
В числе лиц, в ноябре 1795 года подписавших устав еврейского погребального братства, был и *Яков Аглицкий*, именовавшийся в ту пору *Янкелем Литваком*.¹² Местоположение его дома определяется по косвенным данным: в одном из архивных дел 1820 года упоминаются места № 225-226 в XXVI квартале Военного форштата, «по Троицкой улице, за Литваком». ¹³ Это середина квартала по четной стороне, меж нынешними улицами Пушкинской и Ремесленной, пятно застройки домами № 18 и 20. Слева, на углу Пушкинской, тогда находилась недвижимость довольно известного исторического фигуранта одесского купца первой гильдии *Симона Стифеля*¹⁴, похоже, выкрещенного немецкого еврея. Следовательно, дом Литвака находился справа, на углу Троицкой и Ремесленной.

Ясно, что на момент раздачи мест в августе-сентябре 1794 года все перечисленные лица были еще приписаны к другим городам и населенным пунктам. Позднее, с созданием институтов городского самоуправления, некоторые из них причислены в одесское купеческое или мещанское сословие.

Надо уточнить: первично розданные места не были застроены тотчас по объективным причинам (неподходящие погодные условия, острый дефицит временного жилья, строительных ма-

териалов, рабочей и тягловой силы, топлива, воды), и в первый строительный сезон следующего 1795 года произошло частичное перераспределение участков.¹⁵ К сожалению, на сегодняшний день утрачены многие архивные материалы из фонда Одесского городского магистрата, связанные с раздачей мест под застройку, а равно журналы Инженерной команды. Это сильно осложняет воссоздание хода сплошной застройки в интересующем нас ареале. С 1803 года эти и другие функции перешли к Одесскому строительному комитету, в фонде которого нередко попадает информация о предшествующем периоде градостроительства.

Информационные пробелы не позволяют, например, установить точную дату отвода места в квартале по нечетной стороне меж будущими улицами Ришельевской и Екатерининской, подле первой синагоги, неизвестному семейству Шестопал. Очевидно, это произошло в 1795-м, ибо как раз этим годом датируется устав Еврейского погребального братства, в числе других подписанный Менаше Шестопалом.¹⁶ Среди ревизских евреев Одессы

Фасад дома Менаше и Авидора Шестопалов. Архитектор А.А. Дигби. 12 декабря 1818 г.

находим четыре мещанских семейства: Ицки Шестопаля (1806) – четверо мужчин и две женщины, Мошки (Моше), Вигдора (Авигдора) и Менаше (в невежественной огласовке писца – Монашки) Шестопаля (1811) – в общей сложности 12 мужчин и 12 женщин.¹⁷ В декабре 1818 года архитектор Александр Дигби составил план, по которому на месте первичных ветхих строений *Вигдор и Менаше Шестопаля* построили новый двухэтажный дом с лавкой по утвержденному Одесским строительным комитетом плану.¹⁸

Еще одна ранняя постройка – дом «купца евреина Юдковича» (одесского мещанина *Янкеля Юдковича*), оконченный в 1805 году.¹⁹ Затем он также владел домом на периферии, по Рыбной улице, впоследствии принадлежавшим его наследникам.²⁰ Первичная постройка на пересечении улиц Успенской нечетной и Преображенской четной 5 апреля 1806-го значится за «одесским мещанином евреиним *Ноткой Юдковичем*»²¹, а с 19 сентября 1807-го, по крайней мере, до начала 1820-х – за одесским мещанином *Давидом Лейбовичем Асланом (Осланом)*.²² Летом 1820 года вместо архаичной постройки на углу улиц Еврейской (нечетной) и Екатерининской (нечетной) плановый дом возвел одесский мещанин Моше (Мошка) Фишелевич.²³ При этом адрес этого строения прямо указан «на Еврейской улице».²⁴ 17 января 1821 года ему выдали владельческие бумаги.²⁵

Ранее, в июле 1814 года, местный раввин *Мозес Элкан Юзефович* запрашивает Строительный комитет о мере земли под принадлежащим ему домом, находящимся в квартале по четной стороне Еврейской улицы, почти напротив первой синагоги. В октябре того же года он повторяет свою просьбу. Комитет фиксирует, что прежде место было отведено мещанину Калине Нерубайскому²⁶, у которого раввин, очевидно, и купил дом. В свою очередь, Нерубайский получил участок, не застроенный первым его владельцем мичманом Щитинским.²⁷

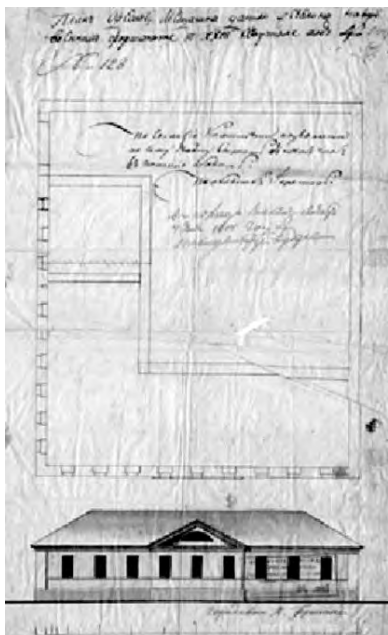
Любопытна история ранней застройки одного из угловых участков на перекрестке нынешних улиц Еврейской, № 15, частично № 13, и Ришельевской, № 31, то есть напротив Главной синагоги. По ретроспективному городскому плану это было место № 244 в XXVII квартале Военного форштата. Экспозиция на бойком месте и большой интерес к нему привели к тому, что уже

до чумной эпидемии на одном этом участке обосновалось одновременно трое застройщиков: австрийский подданный, еврей *Меер Ундер*²⁸, мещанин-еврей *Шейлок Таран* и авторитетный неготиант югославянского происхождения *Матвей (Маттео) Дукович (Дукович)*.

15 апреля 1812 года Дукович просил Строительный комитет отдать ему все место целиком, однако в ходе ревизии городской архитектор Франческо Фраполли зафиксировал там плановый дом Тарана, флигель Ундера и дом самого Дуковича. При этом Дуковичу принадлежало лишь около 30% места по площади. И только по истечении десяти с половиною лет, в октябре 1822-го, он купил место Тарана вместе со строениями.²⁹ В середине 1820-х обоими местами и строениями на оных по духовному завещанию владеет вдова австрийского подданного Спиридона Дуковича София, которая имеет на руках как завещание, так и купчую крепость, заключенную в Херсонской палате гражданского суда 30 января 1814 года.³⁰

Еще большую путаницу в это разбирательство вносит и другое обстоятельство. 1 февраля 1815 года одесский житель Данила

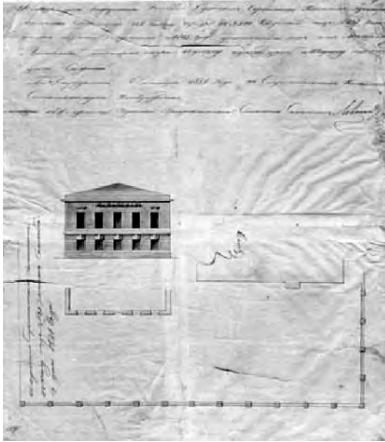
План и фасад дома Д. Жегалина. Архитектор Франческо Фраполли. 4 сентября 1804 г.

Жегалов (Жегалин, Жигунов) подал в Комитет прошение о выдаче ему открытого листа «на отведенное с давних пор» и застроенное им по плану место № 244 в XXVII квартале Военного форштата. 8 февраля, после надлежащего освидетельствования городским архитектором, Жигалову выдали владельческие документы.³¹ Мало того, до нас даже дошел оригинал выданного Жегалову 4 сентября 1804 года утвержденного плана предполагаемой постройки, который вы можете здесь видеть: его составил архитектор Франческо Фраполли.³² 1-этажный дом Жегалова – как построенный в 1815-м на указанном месте – значится и в ведомости, хранящейся в РГАДА. Сопоставление городских планов тоже не проясняет ситуацию: интересующее нас угловое место показано уже частично застроенным в 1802-1803 гг., а далее площадь застройки увеличивается.

На генеральном плане города 1802 года и его высочайше утвержденном варианте 1803-го хорошо видна ранняя застройка трех примыкающих к будущей Еврейской улице кварталов Военного форштата – XXIII, XXVII и XXVIII.³³ Кварталами (от немецкого *quartal*, восходящего к латинскому *quartus*) называли прямоугольник или квадрат, ограниченный четырьмя кварталами в современном понимании этого слова. Первый из них окаймляют улицы Екатерининская, Почтовая, Ришельевская и Еврейская, второй – Итальянская, Троицкая, Екатерининская и Еврейская, третий – Ришельевская, Троицкая, Екатерининская и Еврейская. Последний и был центром кристаллизации еврейской общины.

Ретроспективный генплан фиксирует довольно неравномерную застройку трех кварталов по красной линии Еврейской улицы скромными домишками, сложенными на скорую руку «без плана». Исключение составляет фасад XXIII квартала, в котором десятилетием позже приобрел дом раввин Юзефович. В отличие от двух других, где домики разобщены значительными пространствами, тут постройки куда больше, солиднее, явно дороже, занимают почти всю красную линию за исключением углового места по Ришельевской. Здесь мы видим и маленькое *синагогальное здание* по красной линии Ришельевской улицы, почти на углу с Еврейской, во дворе – хозяйственные постройки. Остается неизвестным, на каких условиях упоминавшийся выше маркизант Медведев уступил свой участок для устройства синагоги или, быть может, даже место с постройками. Во всяком случае, неказистое первичное строение, очевидно, не возводилось специально как храмовое. То есть, скорее всего, просто арендовался частный домик – вероятно, того же Медведева.

План Одессы, составленный городским архитектором Франческо Фраполли, отражает ситуацию, сложившуюся четыре-пять лет спустя, в 1807 году.³⁴ Мы имеем возможность наблюдать формирование первого «еврейского района» в динамике. Прежде всего, заметны пертурбации синагогальных построек: здесь идет активное строительство как по фасаду Ришельевской и Еврейской улиц, так и во дворе. Сопоставляя этот план с более поздним, 1814 года³⁵, мы видим, что в середине синагогального двора появилось новое сооружение, а впоследствии, не позднее второй половины 1820-х, первичную ветхую постройку по красной линии улицы Ришельевской разобрали.³⁶ В интервале этих лет, судя по всему, использовалось и это архаичное строение: наверняка параллельно функционировали холодная и теплая синагоги. Вероятно, одна из новых построек предназначалась для заседаний кагала. Ссылаясь на свидетельства старожилов, С. Пэн говорит, что внутри двора находился «дом Кагала», после официального упразднения которого (то есть после 1844 года) это помещение «превращено в молитвенный дом для сапожников», и что здесь же, неподалеку, была постройка, «где молились так называемые «млодиши» (мортусы)».³⁷

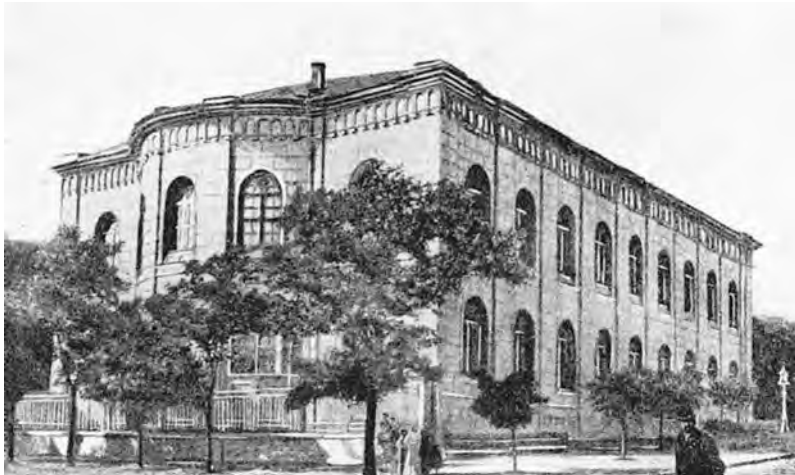

Флигель дома Одесского еврейского кагала,
бывший мещанина Лашковича.
Архитектор И.С. Козлов. Сентябрь 1831 г.

Картографические материалы и мемуары хорошо коррелируют с архивными данными – комментированным перечнем синагог и еврейских молитвенных домов 1890-1894 годов, где сообщаются и некоторые данные относительно их истории. Согласно этим материалам, на территории будущей Главной синагоги и на примыкающих со стороны Еврейской улицы местах с самых первых лет существования Одессы функционировал целый «храмовый комплекс». Старая (Главная) синагога, учрежденная со вре-

мени основания города, сопровождалась первоначально находившейся в ее дворе теплой синагогой (молитвенной школой) Бес-Гамедраш. Комментируя известную книгу Шарля Сикара «Письма об Одессе» (1811), ее высокородный переводчик, председатель Одесского коммерческого суда, а затем одесский градоначальник Н.Я. Трегубов упоминает первую синагогу, прямо именуя ее «Жидовской школой».³⁸ В том же дворе «с давнего времени» действовала Ремесленная синагога и молитвенный дом Погребального братства. Кроме того, в соседнем доме Шестопала (см. выше) помещалась синагога Малбиш Ариним («Одевающий нагих», то есть молитвенный дом портных) № 2.³⁹

15 апреля 1812 года одесский кагал обращается в Строительный комитет с просьбой об отводе места для строительства другой синагоги, ибо увеличившееся за прошедшие годы еврейское общество уже «не может помещаться в синагоге здесь ныне существующей».⁴⁰ Во всяком случае, когда в марте 1803 года де Ришелье прибыл в Одессу и знакомился с положением дел, ему донесли о том, что в городе существует только один «еврейский молитвенный дом».⁴¹

Главная синагога в конце XIX ст.

К 1807 году наблюдается активизация застройки и двух других кварталов в ареале Еврейской улицы – XXII, меж Итальянской, Почтовой и Ришельевской, и XXIX, меж Екатерининской, Троицкой и Покровским переулком, в 1802-1803 годах практически пустопорожних. В 1814-м все упоминавшиеся кварталы застроены уже довольно плотно, причем еврейские домовладельцы, как мы увидим чуть ниже, абсолютно доминируют. Во второй половине 1820-х годов старейший район компактного проживания одесских евреев планировочно обретает вполне цивилизованный вид.⁴²

К началу 1830-х мы видим среди здешних домовладельцев почти сплошь евреев, причем представителей почтенных старых фамилий: Фроима Парнеса, Шмуля Ламберта, Абрама Когана, Ицко Бродского, Берка Рабиновича, Басю Рублеву, Суру Шпигель, Давида Манцана (Мамзона), Шунера Гершковича, Хайку, Менаше и Этю Шестопал, Ицко и Фишеля Кохман (Кофман), Моше Фишелевича⁴³, Хану Энгель⁴⁴, «одесскую купеческую жену Сурку Маиеркову, урожденную Маиер Левы (вероятно, Меер-Леви. – О. Г.)»⁴⁵ и других. Некоторые из них, как, например, Мамзон, уже купец

Вид на Еврейскую улицу и Главную синагогу. 1869 г.

первой гильдии, преобразуют первичные постройки в довольно солидные доходные дома, оценка которых превышает 20.000 руб.⁴⁶ Дом одесского второй гильдии купца *Маркуса Самульзона (Самуэльзона)* (пятно застройки нынешним домом № 21 по Еврейской и частично № 23) в конце 1820-х оценен в 18.025 руб. только в негораемых материалах,⁴⁷ следовательно, общая его стоимость не менее 20.000.

Неевреи в этом ареале малочисленны. Так, единственный владелец недвижимости не еврей по обеим сторонам Еврейской улицы, меж Екатерининской и Ришельевской, – это чиновник-старожил, пакгаузный надзиратель портовой таможни титулярный советник, кавалер ордена Святой Анны III степени *Василий Денисович Кошевский (Кашевский)*.⁴⁸ Одно из мест, угловое, он получил сам еще в 1795 году, а второе перешло к нему через три года от брата упоминавшегося выше Калины Нерубайского, Федора⁴⁹, то есть Кошевский соседствовал с раввином Юзефовичем со стороны Ришельевской улицы. Однако в 1830-м кагал утверждал в Строительном комитете план флигеля, относящегося к стоявшей напротив синагоге, на одном из двух прежде принадлежавших здесь Кошевскому мест.⁵⁰ Сохранился план этого довольно

представительного двухэтажного дома – собственность Одесского еврейского кагала, – составленный известным зодчим Иваном Козловым в сентябре 1831 года. При этом в архивном документе указано, что ранее этот флигель принадлежал мещанину Лашковичу⁵¹, то есть следующему после Кошевского владельцу.

Короткое время, с конца 1824 года, местом на углу нечетной стороны Екатерининской и четной стороны Еврейской владел крупный экспортер, одесский первой гильдии купец *Рей Ревельод* (*Ревельоти*, *Ревильоди*, *Ревиллиоди*, *Ревелиоти*), каковому оно досталось по купле.⁵² Но через несколько лет дом и место принадлежат уже упоминавшейся «одесской купеческой жене Сурке Маерковой, урожденной Маер Левы», то есть Меер-Леви.⁵³ Сегодня это пятно застройки по адресу Еврейская, № 34, Екатерининская, № 41. Этот сюжет достоин некоторой детализации.

Место № 200 в XXIII квартале Военного форштата с весьма приличным строением досталось Ревильоти за 35.000 рублей ассигнациями от одесского купца *Сруля Харитона* по купчей, совершенной в Херсонской палате гражданского суда 23 августа 1820 года. При этом продавец оставил за собой соседнее место № 199 по Еврейской улице, соответствующее нынешней застройке домами № 30 и 32. В конце 1825-го Ревильоти продал дом и участок одесской купеческой жене *Сурке Шпигилевой* (*Шпигель*), упоминавшейся выше как под этой фамилией, так и как Меер-Леви (очевидно, имя ее отца, то есть отчество). После продажи меж Харитоном и Шпигель возникли трения в связи с ошибочным показанием во владельческих документах длины участков № 199 и 200. Ситуацию разбирали архитекторы Боффо и Фраполли, член Строительного комитета Крамарев, квартальный надзиратель Панаиодор и др. В итоге соседи полюбовно пришли к мировому соглашению.⁵⁴

Несомненно, большинство перечисленных лиц относится к первой генерации застройщиков, хотя мы не всегда располагаем прямыми документальными подтверждениями. Среди них именно те, кто формировал кагал, устраивал первую синагогу, подписывал устав погребального братства (1795). О многочисленных Шестопалах из «синагогального квартала» я уже говорил. Здесь упомяну еще одного – умершего в 1823-м «Мортку», то есть

Мордехая Шестопала, оставившего вдову «Нахамку», то есть *Нехаму*, и малолетних детей. Принадлежавшие им постройки помещались в пределах нынешних домов № 27 и 29 по Еврейской улице.⁵⁵ Не менее известен *Фроим Лейб Парнес* – один из первых евреев, причисленных в одесское 2-й гильдии купечество, тоже подписавший устав погребального братства.⁵⁶ Он снискал большой авторитет, в частности, как активный устроитель Еврейской больницы.⁵⁷ О принадлежавшей Парнесу недвижимости, часть которой после его смерти перешла к дочери Нихаме (Нэхаме) Вайнберг, дошло довольно много архивной и другой информации.⁵⁸ Остановимся на этом подробнее, поскольку в легализации наиболее значимого объекта принимали участие другие известные персонажи ранней истории одесского еврейства.

Согласно архивным документам, Парнес владел приличной недвижимостью в XXIV квартале Военного форштата, угловым местом № 207, которое соответствует пятну застройки нынешним четырехэтажным домом по Еврейской, № 36, и одновременно Екатерининской, № 38. Это место до 1803 года было пустопорожным, принадлежало вдове Шимонович, которая уступила его Парнесу, и он тогда же построил на нем плановый дом. Имя вдовы на слух записано как Соболя или Себоля, то есть на самом деле Сигаль. Когда в первой половине 1826-го Парнес решил узаконить эту свою недвижимость, то по существовавшей процедуре пригласил свидетелей, которые под присягой показали: вдова Соболяна (Себоляна) Шимоновичева в 1803-м действительно уступила место Парнесу, они присутствовали при оном соглашении, а затем – на новоселье в построенном там по тогдашнему плану доме.

О принимавших присягу свидетелях сообщается чрезвычайно любопытная информация. 1) Одесский купец *Иука Кофман*, 53-х лет, «грамоты на еврейском диалекте знаю, женат, веры еврейской, и оную исполняю, под судом и в наказании никогда не был». 2) Одесский купец *Янкель Рублев*, 46-ти лет, то есть 1780 г. р., знает русскую грамоту, женат, далее – как предыдущий. 3) Одесский купец *Рувин Постернак* (дед художника Леонида Пастернака, прадед поэта Бориса Пастернака), 45-ти лет, то есть он 1781 г. р., знает русскую грамоту, женат и т. д. 4) Одесский мещанин *Из-*

раиль Бромберг, 40 лет, русскую грамоту знает, женат и проч. 5) Одесский мещанин *Гершко Бромберг*, 60-ти лет, женат, «грамоты на еврейском диалекте знаю» и т. д. 6) Одесский мещанин *Лейба Бурлага* (надо полагать, Берлага), 52-х лет, сведений о женитьбе нет, «грамоты на еврейском диалекте знаю» и т. д.⁵⁹ Каллиграфические подписи Парнеса, Рублева, Пастернака, И. Бромберга кириллицей демонстрируют навыки, полученные в ходе учебы. Впрочем, и подписи на иврите сделаны довольно умело.

Тут как раз к месту поговорить об упоминаемой С. Пэнном истине легендарной личности – «рабби Якове-Аарон-Зееве, сыне рабби Мордухая», более известном как Янкель Рублев, по роду своих занятий он был менялой. Еврейский историк пишет, что Рублев смолоду занимался общественной деятельностью и вскоре был избран казначеем общины. «На этом почетном посту, – продолжает С. Пэн, – он много трудился на пользу общины, которая была обязана ему устройством первой еврейской больницы и общественной бани с миквой».⁶⁰ Реалии сюжета об устройстве этой бани, участии Рублева в снабжении единоверцев продуктами в ходе ликвидации чумной эпидемии и др. я уже представлял в монографии «Очерки ранней истории евреев Одессы» (2013, 2018). В 1811 году Янкель Рублев значится одесским купцом, причем в составе семьи показано четверо мужчин и две женщины.⁶¹ В 1829-м он ушел из жизни, и недвижимость по Еврейской улице перешла к его наследнице. Рублев владел двумя участками на нечетной стороне Карантинной улицы угол Еврейской нечетной. На означенном углу располагался жилой дом, а в глубине двора другое длинное строение – магазин или флигель. В 1832 году эта недвижимость сдавалась в аренду Одесским сиротским судом на содержание его семейства.⁶²

Из перечисленных обитателей Еврейской улицы – и *Абрам Коган*, причисленный в одесское городское гражданство в 1814-м⁶³, а ранее, очевидно, живший как иногородний мещанин. Дальнейшая история принадлежавшей ему недвижимости прослеживается по архивным данным.⁶⁴

Преимственность в практически сплошном заселении этого анклава евреями четко наблюдается и позднее. Например, в оценочной ведомости домостроениям на 1848 год реестр владельцев

по Еврейской улице от Покровского переулочка вниз выглядит следующим образом: Мордка Кофман (без указания социального состояния), купчиха Бернштейн, купчиха Рабинович, купец Абрам Коган, купец Герш Абрамович, купец Розенблат, нежинский грек Иван Вицино (единственный не еврей), мещанин Шмуль Ламберт, мещанин Иось Фендер, купец Фроим Парнес (две лавки; дом числился по Екатерининской), Моисей Шестопад, купец Шпигель, мещанин Абрам Шалер, мещанин Ицко Бельман, мещанин Абрам Прейзберг, купчиха Бася (то есть Битья, Батья) Рублева, купец Зильберман.⁶⁵

Немного о «*плановых домах*», то есть о сооружениях, возведенных по утвержденным Одесским строительным комитетом планам и фасадам. Контроль таковой застройки начался с ноября 1805 года по представлению городского архитектора Франческо (Франца) Фраполли.⁶⁶ В «Ведомости, учиненной в Одесской градской полиции о начатых строением в нынешнем 1805-м году, с показанием, чьи они именно» домов, магазинов, лавок, погребов, в частности, значатся: два магазина «купца евреина Соломоновича», дом «мещанина евреина Лейбы Маеровича», дом «евреина Шмуля Маеровича», дом «купца евреина Юдковича».⁶⁷

О наиболее состоятельном из этих четырех лиц мне удалось разузнать следующее. 30 мая 1805 года херсонский купец Маркус Соломонович обратился в Комитет с прошением об отводе на Военном форштате, в XXII квартале, места № 190. Это угловой участок по четной стороне Еврейской и нечетной стороне Ришельевской улиц, накрест с синагогой, ныне пятно застройки домами № 23А и 23. По справке оказалось, что 18 мая 1802 года просимое место, как и смежное, № 192, по Ришельевской, отведено магистратом губернскому секретарю Рачинскому, однако так им и не застроено. Поэтому Комитет отдал участок просителю.⁶⁸ Как видно из синхронного плана, в 1807 году оно уже застроено.⁶⁹

То есть мы видим, как в существующий еврейский район вписывается уже солидный иногородний предприниматель-единоверец, тем самым продолжая его формирование. Но этим сюжет не ограничивается. Из документа от 18 ноября 1806 года однозначно следует: жена херсонского купца Ревекка Соломоновича владеет недвижимостью в XXII квартале Военного форштата,

«Одесские евреи». Графика Огюста Раффе. 1837 г.

на местах № 190 и 192, стало быть, к семейству отошел и соседний участок по Ришельевской, то есть еще и территория нынешнего дома № 21. Кроме того, семье принадлежали в Одессе и мельницы.⁷⁰

Из архивных документов, относящихся к периоду после чумной эпидемии, выясняется немаловажная деталь: оказывается, составители комитетских бумаг, как это нередко случалось, зафиксировали отчество нашего купца как фамилию. Собственно говоря, в конце XVIII столетия только начиналось *формирование еврейских фамилий* выходцев из Царства Польского, каковые тогда значились просто «имярек, сын такого-то (имярек)». А потому отчества для многих ашкеназов и сделались официальными фамилиями – но не для данного фигуранта. В апреле 1813-го «херсонский купец *Маркус Соломонович Варшавский*» сообщает об утрате открытого листа, выданного ему 30 мая 1805 мая на место в XXII квартале Военного форштата под № 190. Комитет сверяется с журналами, и 21 апреля выдает дубликат, параллельно сообщая полиции о недействительности прежнего.⁷¹

Теперь становится понятно, о ком идет речь. М.С. Варшавский – один из крупнейших еврейских предпринимателей Юга,

владелец верфи в Николаеве, строил суда для Черноморского флота.⁷² В реестре одесских купцов синхронно (1811) значится Дувид Варшавский, в составе семейства которого трое мужчин и три женщины – очевидно, близкий родственник.⁷³ В январе 1829 года Одесский коммерческий суд продавал один из частных домов по Преображенской улице «на удовлетворение херсонского купца Маркуса Варшавского»⁷⁴, то есть недвижимость его должника.

Позднее известен домовладелец по Мещанской улице, одесский мещанин Янкель Варшавский⁷⁵ – возможно, однофамилец. А вот другой домовладелец, на Пересыпи, и тоже в 1829 году, Лейба Соломонович Варшавский⁷⁶ – скорее всего, брат Маркуса. Лейба владел довольно значимой для этого предместья недвижимостью: двухэтажным домом с отдельным флигелем и тремя небольшими дворовыми постройками.⁷⁷ Есть также информация о популярной в тот период «ресторации Варшавской» в центре города,⁷⁸ вероятно, упоминавшейся Ревекки.

Год спустя фактический руководитель Комитета военный инженер Е.Х. Ферстер с подачи Фраполли вновь указывает на необходимость усиления контроля городской застройки в отношении соблюдения планов.⁷⁹ В том же 1806-м 29 одесских граждан получили от Комитета ссуды на домостроительство под щадящие шесть процентов годовых плюс один процент от этих шести процентов – на обновление городского пожарного инвентаря. В их числе был одесский купец Берка Ицкович, взявший заем 1.000 рублей сроком на полтора года.⁸⁰ Это тот самый упоминавшийся выше Ицкович, который одним из первых получил место по будущей Еврейской улице, а затем, взяв сказанный кредит, построился на углу Екатерининской и Троицкой улиц.

Несколько раз Комитет ссужал деньгами одного одесского еврейского купца, о котором нужен бы разговор особый. Сперва он фигурирует в архивных документах как Хаскель Нусимович, то есть отчество (Хаскель сын Нусима) записано в форме фамилии. Затем мы четко наблюдаем обретение им фамилии: «Дайцкель Хаскель» из причисленных «в одесское купечество Подольской губернии винницких купцов под прозванием Нусимовича»,⁸¹ другой вариант написания – Данцкель⁸², что может указывать на ее географическое происхождение.

Так вот 8 июня и 19 октября 1805 года Хаскеля ссужали из суммы 80 тысяч рублей, выделенной для ссуд одесским жителям, выданы соответственно в 500 и 1.000 рублей, под скромные шесть процентов годовых сроком на один год. 8 (разночтение – 11-го) января 1812 года ему же выдали на три года из портовой суммы уже 5.000 рублей под залог его дома по улице Еврейской, в пятне застройки нынешним грандиозным зданием СБУ (КГБ). 7 мая 1817 года заемщик вернул в Комитет основной капитал по первым двум займам – 1.500 рублей, выплачивая в предыдущие годы лишь проценты. Сказанные пять тысяч он должен был возвратить 8 января 1815 года, однако не сумел выполнить своих обязательств. Из гуманного комитетского определения следует: 1.500 рублей были приняты, возвращение 5.000 отсрочено, «поелику же проситель, как известно Комитету, разорен пожаром».⁸³ Выходит, Хаскелю Нусимовичу пришлось наново отстраиваться. К этому можно прибавить, что ссуда была взята перед катастрофической чумной эпидемией. 9 октября 1817 года он просит (здесь фамилия представлена в форме Данскер) об отводе места на Пересыпе, и для освидетельствования направляют архитектора Фраполли.⁸⁴

Далее события развивались в трагическом ключе. Как выясняется, Хаскель Нусимович брал ссуду еще и в Одесской конторе Государственного коммерческого банка. Не сумев оправиться после катастрофического пожара, он так и не рассчитался по кредитам ни с Комитетом, ни с банковской конторой. В конечном итоге его дом был назначен в публичную продажу. 3 февраля 1822 года он (в данной огласовке архивных документов – «купец *Хаскель Нусимович Данский*») обратился к Ланжерону с просьбой рассрочить долги так, чтобы их постепенно перекрывали доходы от арендной платы за наем его дома.

Очевидно, совершенно отчаявшемуся человеку не удалось разжалобить военного губернатора напоминанием о постигшем его несчастье. Во всяком случае, полиция сообщила в Строительный комитет о том, что в ту же ночь, с 3-го на 4-е февраля 1822 года, «онный купец Данский» удавился. Покончив с собой, Хаскель Нусимович, тем не менее, решил проблему в пользу семьи. На исходе 1824 года все кредиторы договорились меж собой и поставили в известность опекунов покойного, известных нам одесских

купцов Менделя Цвибака и Бороха Рашковича, что доходы с дома арестовываются и идут на погашение долгов.⁸⁵ Но это простое решение далось ценою жизни домовладельца. Не только история, но и справедливость не знает сослагательного наклонения.

С начала 1810-х годов все частные здания Одессы строились строго в соответствии с типовыми планами «высочайше утвержденных фасадов», для чего из столицы присылались специальные тетради с таковыми.⁸⁶ То есть частный заказчик мог выбирать только из предложенного в этих тетрадях сортамента. Во всех остальных случаях проекты должны были утверждаться индивидуально, на соответствующем уровне, вплоть до высочайшего. Таким образом, вся городская застройка производилась по специально разработанным классическим образцам. Выбор был довольно широк, поэтому однообразия остро не ощущалось. Тем паче рыночные площади, специализированные торговые ряды, главный (Александровский) проспект и др. оформлялись протяженными галереями, имитирующими античную агору. Кроме того, частные постройки чередовались с монументальными хлебными магазинами, казенными сооружениями, храмами, зелеными зонами. Разнообразие автоматически обеспечивал и характерный рельеф.

Хорошее представление о более и менее значимых еврейских домостроениях первых десятилетий XIX столетия дают иллюстративные материалы из 895-го фонда ГАОО. Здесь можно видеть, например, чертежи фасадов домов одесских купцов и мещан Пинкуса Вейцмана, Соломона Гельцельмана, Соломона Гуровича, Шмуля Зельдисона, Давида Зельцберга, Зейлика Кофмана, Мойзеса Левенсона, Пинкуса Шапира, Берка Шварца, Менаше и Авигдора Шестопалов и др., выполненные самыми известными зодчими Боффо, Даллаква, Дигби, Камбиаджио, Козловым, Риглером, Скудиери, Торичелли.⁸⁷

Интересен еще один сюжет, связанный с застройкой части квартала, позднее занятого строениями *Комитета государственной безопасности*, ограниченной Покровским переулком, Еврейской и Екатерининской улицами. В ту пору – XIX (изначально носил номер XXIX) квартал Военного форштата, места № 259-264.⁸⁸ Речь идет как раз об угловом месте № 261 по нечетной стороне Еврейской и четной стороне Екатерининской улицы. Этот

Вид на Еврейскую улицу и Бродскую синагогу. 1869 г.

участок, как и соседние, находился в эпицентре первичной еврейской застройки.

В архивных документах от 29 мая – 17 июля 1816 года сообщается следующее. В 1805-м, в бытность Ришелье, здесь построил свой дом одесский мещанин *Гершка Шлиомович Бродский* (тот, что изначально фамилии вообще не имел и значился в магистратских реестрах как Гершко Шлиомович). Место отведено «со времен заселения Одессы», в 1795 году, инженерной командой секретарше Рагулиной, но фактически застроено не ею, а Бродским.

О том, что так оно и есть, свидетельские показания 7 июля 1819 года дали соседи-старожилы, большинство из которых нам уже знакомо: «купцы Эла Плецир, Янкель Рибилон (явно Рублев. – О. Г.), Гершко Бромберг, Генех Немировский, Янкель Розенблат». Илья (Эля) Плецарь, как и Гершко Бромберг, значится среди одесских ревизских купцов 1811 года с указанием состава их семей.⁸⁹ Немировский тоже изначально не имел фамилии и был записан в одесское купечество «под именем Эниха», Янкель Рублев записан в купечество по ревизии 1811 года, австрийский подданный Янкель Розенблат причислялся в гильдию в 1814-м.⁹⁰ Свидетельствовавший постройку архитектор Дигби

докладывает о том, что дом построен по утвержденному Комитетом плану и фасаду. В бумагах сообщается о двукратном пожаре в доме – «по несчастному жребию», потому документы и пропали, взамен сгоревших Бродскому выдали дубликат.⁹¹

Сказанные свидетельства означают давность проживания упомянутых лиц в интересующем нас «этническом районе». Таким образом, в сочетании с приведенной выше информацией о первичной застройке получаем наглядное представление о составе и численности первого центра кристаллизации еврейских первопоселенцев в нарождающейся Одессе. При этом наблюдается переход к евреям мест, первоначально отведенных не евреям, уже с 1795 года. Скажем, только что описанное 261-е место в 1794-м получил флота комиссионер Иванов,⁹² в 1795-м – упоминавшаяся Рагулина, однако в том же году оно отошло Бродскому. В списке ревизских мещан (1795) он значится как Гершко Бронский, имея в составе семьи еще одну особу мужского пола, очевидно, сына, и одну женского – надо полагать, супругу.⁹³

В конце 1820-х годов угловое место № 261 принадлежало уже «причисляющемуся в одесское 3-й гильдии купечество *Янкелю Лишманову сыну Гольду*». Он владел находившимся здесь довольно приличным домостроением, который Городской магистрат оценил в 14.000 рублей только в несгораемых материалах.⁹⁴ Здесь мы, по-видимому, сталкиваемся с двойной фамилией, поскольку Лишман – не имя и не отчество, а прозвище. В одном из сохранившихся архивных дел 1832 года имя его записано неразборчиво, а другое дело, начала 1830-го, не сохранилось.⁹⁵ Так или иначе, на колоссальном количестве примеров мы видим, что еврейские фамилии продолжают формироваться, видоизменяться, эволюционировать не только в 1800-1810-х, но и позднее.

Из более поздних архивных документов мы узнаем следующее. 17 июня (в другом месте обозначена дата 10 июля) 1819 года ОСК выдал одесскому мещанину Гершке Шломовичу Бродскому владельческие документы на сказанную недвижимость – открытый лист № 2016.⁹⁶ Это означает, что после двух пожаров Бродский построил новый плановый дом. 18 августа 1842 года этот дом и место достались по купчей крепости, оформленной в Одесском коммерческом суде, нежинскому греку и одесскому купцу Ивану Вицино.

Он осуществил перестройку дома Бродского по утвержденному в ОСК ситуационному плану и фасаду.⁹⁷ В 1848-м этот дом Вицино с магазином оценен в 12.200 рублей.⁹⁸ То была единственная не еврейская недвижимость в ближайших кварталах.

Не менее занятна история смежного места № 262 по Еврейской улице. В 1795 году оно отведено инженерной командой греческому выходцу Николаю Тукасу, который так и не сумел застроиться. В 1798 году инженерная команда отвела это место «одесскому купцу *Хаиму Могилевскому Бромбергу*». Подобная формулировка указывает либо на двойную фамилию, либо уточняет, что это Бромберг родом из Могилева. В этом нет ничего необычного, тем более что в Одессе известно несколько Бромбергов. 2 ноября 1810 года этот Могилевский-Бромберг сообщал Строительному комитету о разделе отведенного ему места № 262, из которого больше половины он уступил упоминавшемуся выше несчастливому купцу *Хаскелю Нусимовичу (Данцкелю, Данцкеру, Данскому)*. Он произвел строение, и 9 марта 1811 года ему выдали владельческие документы – «открытый лист». Именно эта недвижимость состояла в залоге по ссуде, взятой им в Комитете и Одесской конторе Государственного коммерческого банка, о которой уже говорилось в контексте трагической судьбы Хаскеля Нусимовича.

Что касается оставшейся части места Бромберга, то ранее 13 августа 1823 года она принадлежала одесскому купцу *Гершке Абрамовичу* (он фигурирует в архивных документах и как Гершка Абрамов – тот, что во второй половине 1820-х содержал городские весы и меры). В это время здесь провел освидетельствование городской архитектор Джованни Фраполли. Он нашел, что дом Абрамовича «постройкою безобразия городу не делает, но плана на сию постройку он не имеет, ибо оный во время существовавшей в Одессе заразы сожжен вместе с прочими вещами». Сие означает: проект составлен, по крайней мере, ранее августа 1812 года. На основании процедуры обследования молодому архитекторскому помощнику Боффо велели разграничить место в натуре между сказанными владельцами.⁹⁹

Еще одно интересующее нас место – № 259, ныне вторая от угла Еврейской половина здания СБУ по Екатерининской улице. В пушкинское время здесь находился дом одесского мещанина

Вольфа Вейнберга, каковым он владел по «данной» из Херсонской палаты гражданского суда от 19 ноября 1818 года.¹⁰⁰ Уже на плане Фраполли 1807-го тут обозначено два флигеля по красной линии Екатерининской с широким въездом меж ними. Та же картина на плане Торичелли 1828-го.

Если изначально на Еврейской улице, даже близ будущей Ришельевской, нередко строились домики «в четыре окна, которые не составляли правильности архитектуры»,¹⁰¹ то по мере роста состоятельности одесских евреев, с начала 1820-х, наблюдаются случаи *приобретения ими дорогой и престижной недвижимости*. Однако в пушкинское время застройка Еврейской улицы в целом была еще довольно скромной. Трудно предположить, что за все время пребывания в Одессе Пушкин не бывал в этом районе, не интересовался, по крайней мере, внешним обликом Главной синагоги. К слову, почти синхронные (1829-1830) сведения о ней весьма противоречивы.

Эдвард Мортон, британский врач, доктор медицины, путешественник: «Синагога евреев расположена на Strada Richelieu (Ришельевская улица). Она убога и находится в плохом состоянии – обстоятельство, вызванное жадностью, которой отличается эта секта».¹⁰² «Отечественные записки» за январь 1830-го, «Взгляд на Одессу»: «Синагога – в самом цветущем положении, как по числу, так и по богатству прихожан».¹⁰³ Как говорится, без комментариев.

Отмечая этническую пестроту юной Одессы (1822 год), Роберт Лайелл, в частности, пишет: «Евреев в изобилии, и несколько семей имеют хорошее материальное положение. Некоторые из них мелкие торговцы, кабатчики, ремесленники, пекари и ростовщики».¹⁰⁴

Примечания

¹ Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году. – Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 590-594.

² Там же.

³ С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 18.

⁴ ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 5.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 129.

- ⁶ ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- ⁷ ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 229, 230 (утрачены).
- ⁸ Там же, ф. 4, оп. 4, д. 153 (утрачено).
- ⁹ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173.
- ¹⁰ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 9.
- ¹¹ Там же, оп. 1, д. 17, л. 80-83; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 326.
- ¹² С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903.
- ¹³ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 389-392.
- ¹⁴ Там же, д. 17, л. 176-177.
- ¹⁵ Подробнее см.: Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах (сб.). Кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50.
- ¹⁶ С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903.
- ¹⁷ ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 23.
- ¹⁸ Там же, ф. 895, оп. 1, д. 319 (чертеж); Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1484. – 23 л.
- ¹⁹ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.
- ²⁰ Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 22.
- ²¹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 589.
- ²² Там же, л. 582, 583, 588, 594.
- ²³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 4.
- ²⁴ Там же, д. 278, л. 16.
- ²⁵ Там же, д. 279, л. 13.
- ²⁶ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 368-369, 578.
- ²⁷ Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году. – Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.
- ²⁸ Очевидно, эта фамилия австрийских выходцев немного искажена, и должна записываться как Унгер или Унгбер. Ее представители известны в Одессе, по крайней мере с 1809 года. – ГАОО, ф. 4, оп. 107, д. 1, № 36 и 54 (первый реестр), № 44 (второй реестр).
- ²⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 241, 252, 253; Там же, д. 65, л. 247-248; Там же, д. 80, л. 67-71.
- ³⁰ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 80.
- ³¹ Там же, д. 88, л. 10-10а.
- ³² Там же, ф. 895, оп. 1, д. 158.
- ³³ ОГИКМ, инвентарный № К-600.
- ³⁴ Там же, № К-602.

- 35 Plan de la ville d'Odessa, 1814.
- 36 ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- 37 С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 18.
- 38 Первые книги Одессы. Под редакцией А.И. Третьяка. – Одесса: Optimum, 2011, с. 28. Примечание (1) в репринтной части этого издания.
- 39 Евреи Одессы и юга Украины: история в документах. Кн. 1. – Одесса, 2002, с. 109-110.
- 40 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 680.
- 41 К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 131.
- 42 ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- 43 ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942, ч. 2, л. 1-14.
- 44 Одесский вестник. – 1833, 15 февраля, № 13.
- 45 ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 17-18.
- 46 Одесский вестник. – 1828, 8 августа, № 63.
- 47 Там же, 1829, 26 января, № 8.
- 48 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на 1821. Ч. 2, с. 253.
- 49 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 1, л. 78-81.
- 50 Там же, оп. 2, д. 304. – 3 л.
- 51 Там же, ф. 895, оп. 1, д. 314; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 430. – 264 л.
- 52 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 485.
- 53 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 17-18.
- 54 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 516. – 19 л.
- 55 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 154-155.
- 56 С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 20.
- 57 Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: Печатный дом, 2006, с. 234.
- 58 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 577; Там же, оп. 2, д. 406; Там же, д. 1328; ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 28 об.
- 59 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 577. – 11 л.
- 60 С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 13-14.
- 61 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 16.
- 62 Одесский вестник. – 1832, 10 сентября, № 73.
- 63 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 10.
- 64 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1156. – 8 л.
- 65 Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 6, 13.

- 66 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 293.
- 67 Там же, л. 42-43.
- 68 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 250, 251.
- 69 ОГИКМ, инвентарный № К-602.
- 70 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 78.
- 71 Там же, д. 75, л. 63-67.
- 72 А.Н. Павлюк. Купцы-судостроители Рафаловичи. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010, с. 6.
- 73 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 4.
- 74 Одесский вестник. – 1828, 28 декабря, № 95.
- 75 Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 30.
- 76 Одесский вестник. – 1829, 26 июня, № 51.
- 77 Там же, 1832, 9 июля, № 55.
- 78 Там же, 1832, 3 февраля, № 10; Там же, 13 февраля, № 13; Там же, 24 февраля, № 16.
- 79 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 185.
- 80 Там же, д. 20, л. 163-173.
- 81 Там же, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 21 об.
- 82 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 6.
- 83 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 313.
- 84 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 650.
- 85 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 598-602.
- 86 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 47. – 23 л.
- 87 Коллекция Государственного архива Одесской области. Архитектурные объекты г. Одессы и других городов Причерноморья: конец XVIII – начало XX ст. Каталог. – Одесса: ЧПКФ «Хоббит», 2003. – 224 с.
- 88 ОГИКМ, инвентарный № К-605.
- 89 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 3, 15.
- 90 Там же, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 23 – 23 об.
- 91 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 2, л. 112-115; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 10.
- 92 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.
- 93 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 3.
- 94 Одесский вестник. – 1829, 26 января, № 8.
- 95 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1056. – 33 л. (утрачено).

⁹⁶ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 39 об. – 40.

⁹⁷ Там же. ф. 59, оп. 2, д. 595, л. 124-126.

⁹⁸ Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 13.

⁹⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 274-276.

¹⁰⁰ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 24.

¹⁰¹ Там же, д. 287, л. 765.

¹⁰² Эдвард Моргон. Одесса как она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 97.

¹⁰³ Отечественные записки. – 1830, январь, № 117, с. 29.

¹⁰⁴ Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 165.

